
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 658:330.34(045)

А. И. КРЕДИСОВ,
доктор экономических наук,
профессор кафедры международного бизнеса
Института международных отношений
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА

Показано, что в своем историческом развитии общество демонстрирует определяющее значение экономических институтов, а на этапе повсеместного утверждения в нем рыночных отношений – институтов бизнеса. Развитие бизнеса во взаимосвязи с политическими и социальными институтами свидетельствует о его зависимости от подходов к организации (управлению), изменения которых происходят путем утверждения ведущего вектора развития управления бизнесом. Обосновано, что социальная ответственность как определяющий организационный вектор современного развития бизнеса влияет не только на повышение эффективности общественного производства, но и на инновационную трансформацию общества в целом.

Ключевые слова: общественные институты, бизнес, управление бизнесом, социальная и экономическая организация, трансформация, социализация, корпоративная социальная ответственность (КСО), стратегическое управление КСО.

A. I. KREDISOV,
Doctor of Econ. Sci.,
Professor of the Chair of International Business,
Institute of International Relations,
T. Shevchenko National University of Kiev

ORGANIZATIONAL VECTOR OF DEVELOPMENT OF MODERN BUSINESS

It is shown that the society demonstrates the defining position of economic institutions during its historical development and business institutions on the stage of general establishment of market institutions in it. The development of the business interconnected with political and public institutions testifies to its dependence on the approaches to the management, whose changes occur by means of the establishment of the leading vector of management of the business. It is substantiated that the social responsibility as a defining organizational vector of the modern development of the business affects not only a growth of the efficiency of the public production, but also the innovative transformation of the society on the whole.

Keywords: public institutions, business, management of the business, socio-economic organization, transformation, sociolization, corporative social responsibility (CSR), strategic control over CSR.

Экономика общества на всех этапах его исторического развития была и остается определяющей составной частью существующих общественных институтов.

Как способы организации человеческой деятельности они направлены на удовлетворение общественных потребностей в экономической, политической и социальной сферах. В таком мысленном представлении любые человеческие общества в любое время и в любом месте должны быть подобными. Однако эта схема общества и его институтов никоим образом не свидетельствует о реальном подобии обществ. В действительности все они разные. Их отличие связано с теоретическим обобщением и идеологической окраской соответствующих институтов, что отражает уровень технического и культурного развития общества.

Рассмотрим сначала период становления и развития буржуазного общества, то есть повсеместного утверждения в нем рыночных отношений.

Общественные институты и развитие бизнеса

В условиях массового производства и свободного рынка **экономические институты** становятся бизнесовыми, то есть действующими ради получения прибыли. В то же время их содержательная сущность остается неизменной — они **являются способом организации человеческой деятельности, направленной на преобразование имеющихся факторов производства в продукцию и услуги, удовлетворяющие материальные и нематериальные потребности общества** *. Вместе с тем формальная неизменность сущности экономических институтов в условиях господства прибыльных интересов не свидетельствует, что эти институты существенно не влияют на их взаимосвязь и взаимозависимость с государственными и социальными институтами. Теоретическое отображение изменений, произошедших и продолжающихся, мы видим в развитии соответствующих институтов наук. В частности, что касается экономической науки, которая является предметом нашего исследования, то непосредственная оценка институтов бизнеса и их анализ во взаимосвязи с другими институтами получили свой системный, хоть и начальный, подход в классической экономической теории.

Именно А. Смит и Д. Рикардо (в большей степени), заложив в основу своих подходов к исследованию рыночных отношений трудовую теорию стоимости, не только детально проанализировали, с позиций интегрального взгляда, сущность капитала, товара, денег, цены, процента, труда и других экономических категорий, но и попробовали рассмотреть их в контексте выяснения места правительства (государства) и людей (общины). Правда, место правительства было рассмотрено только в соответствии с экономической политикой “*laissez-faire*” и “невидимой руки” государства, а община интерпретировалась как “беспорядочная эгоистичная толпа”. Со временем это было существенно пересмотрено теми, кто отстаивал и развивал идеи классической школы, а также подвергнуто критике представителями последующих школ экономической теории.

Так, ни французский экономист Ж.-Б. Сэй, ни представитель английской школы Дж. Милль не отказывались от не зависящего от людей “существующего порядка” в экономике, как это было у А. Смита и Д. Рикардо. Развивая идеи своих предшественников, они считали необходимым знать этот порядок и действовать согласно ему. Особенно это касалось тех, кто управлял экономикой. Как пи-

* Неизменной в этих условиях остается и содержательная сущность государственных (политических) и социальных (коллективистских) институтов. Первые существуют как способ организации деятельности, направленной прежде всего на структурирование общества, принятие и обеспечение “правил игры”, которые, с одной стороны, обязательны для каждого, а с другой — легитимизируют исключения из этих правил. Вторые организуют человеческую деятельность, способствующую достижению понимания в обществе, и удовлетворяют интересы принадлежности к обществу, социализации его жизни.

сал Ж.-Б. Сэй, эти люди “принуждены сообразоваться с принципами этой науки (политической экономии. — *А.И.К.*), точно так же, как приходится руководствоваться законами динамики или гидравлики тому, кто хочет прочно построить мост или плотину” [1]. В свою очередь, Дж. Милль, оставаясь сторонником мировоззренческих (методологических) позиций А. Смита, так же считал необходимым приближать политэкономии как науку к практическим потребностям общественного развития. “Политическая экономия в ее надлежащем понимании, — писал он, — была во времена Адама Смита еще в младенческом возрасте и с тех пор повзрослела, а наука об обществе, от которой этот выдающийся мыслитель практически никогда не отделял свою специфическую дисциплину, вышла далеко за пределы того состояния, в каком она находилась при нем...” [2].

Марксистская и немецкая историческая школы, в отличие от “естественного порядка”, которого придерживались основатели и сторонники классической политической экономии, были почти одинаково близки в понимании важности государственной политики в области экономики. И К. Маркс, и представители исторической школы Г. Шмоллер, В. Зомбарт, Л. Brentано и другие к элементам любой экономической системы обязательно относили рациональную государственную организацию и систему непредвзятого судопроизводства. Взаимосвязь двух последних общественных институтов существенно повлияла на эффективное функционирование экономики, определила ее характер и перспективы развития. Представители обеих школ также уделяли значительное внимание не только экономическим, но и неэкономическим, социальным вопросам [3].

Еще дальше в этом пошла институциональная школа экономической теории. Ее основатель Т. Веблен и представители первой волны развития — Дж. Коммонс, У. Митчелл, А. Гобсон — решительно отказались от взгляда на общество как на “беспорядочную толпу”. Экономике они тесно связывали с психологией, обычаями, судопроизводством, деятельностью профсоюзов и т. д. и исходили из необходимости установления общественного контроля над бизнесом, который, по их мнению, находился в прямом противоречии с производством. Отсюда в обществе существует постоянная потребность в его перестройке и реформировании. Как писал английский экономист А. Гобсон, “...для любых схем перестройки общества необходима замена мотива частной прибыли прямым общественным контролем за ходом процессов производства... Существующая структура хозяйственной жизни опирается на противоречивые и обособленные интересы, что препятствует проявлению ее социального смысла” [4].

Более конкретно о перестройке общества, так же как и экономической науки, в связи с появлением новой корпоративной формы предприятий, отличных от их типа, характерного для XVIII и XIX вв., речь шла в работах институционалистов второй волны ее развития — К. Эйриса, Г. Минза, Дж. Гэлбрейта. Атомистическая экономика самостоятельных и независимых предприятий, основывавшаяся на господстве рынка и свободных ценах на товары, уже не могла обеспечить коллективную организацию, так же как и олигархию управляющих, которые контролировали ее. Все они призывали к сознательно управляемым методам использования и распределения ресурсов, которые должны были заменить “невидимую руку” А. Смита на “видимую руку”, то есть, по сути, на менеджмент.

Так, например, американский экономист Дж. Гэлбрейт главным инструментом преобразований экономической системы считал не отдельного хозяйствующего субъекта и государство, а современную корпорацию, ставшую движущей

силой развития. На его взгляд, в первую очередь именно технология определяет такое развитие, но при этом особое значение он придавал и организации, ставшей важным фактором сущности современной крупной корпорации. Организованность корпораций характеризует их совокупность как “плановую систему”. Та же часть экономической системы, которая отнесена им к “рыночной”, носила не привилегированный, не определяющий для буржуазного общества характер. Таким образом, по Дж. Гэлбрейту, должно было осуществляться реформирование этого общества.

Эти идеи характерны почти для всех его трудов, но наиболее четко и последовательно они изложены в работе “Экономические теории и цели общества” (1973). Власть, принадлежащая собственникам капитала, утрачивает свою силу. Техноструктура, противостоящая этой власти, является, по сути, новой социальной прослойкой общества, намного более влиятельной по своим количественным и качественным признакам, чем собственники капиталов и наемные работники. Что же это такое — техноструктура? Для Дж. Гэлбрейта это совокупность близких к собственникам капитала менеджеров, а также многочисленные группы функционеров, управляющих не только корпорацией в целом, но и ее подсистемами. “В итоге, — писал он, — мыслительным центром, определяющим действия фирмы, становится не отдельная личность, а целая совокупность ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, рекламе и торговым операциям, экспертов в области отношений с общественностью, лоббистов, адвокатов,.. посредников, управляющих, администраторов. Это и есть техноструктура. Она, а не отдельная личность, становится ведущей силой” [5]. Как видим, экономическая теория под влиянием индустриально-технического прогресса не только обеспечивала свое саморазвитие, но и влияла на связанные с ней другие отрасли экономической науки. Особенно заметно это влияние было для учения об организации и менеджменте бизнеса, которое получило значительное развитие в конце XIX — начале XX в.

Анализ взаимосвязи и взаимозависимости двух названных ветвей экономической науки, во-первых, важен для теоретического выяснения их взаимовлияния и прогнозов дальнейшего развития. Во-вторых, он является эффективным инструментом для практического менеджмента на всех уровнях хозяйственной и бизнесовой деятельности, а также для определения необходимых для этого черт его носителей — менеджеров [6]. Наконец, в-третьих, он является **обязательным условием определения господствующего организационного вектора бизнеса, то есть обеспечивающего его системное функционирование с учетом особенностей и тенденций развития, в частности, и на современном этапе.**

На пути изменений организационных векторов развития бизнеса

Как в экономической теории, так и в теории менеджмента существует период развития, связанный с теми концептуальными идеями и их авторами, которые вошли в управленческую науку как классический этап ее развития. Общепринято связывать этот этап с возникновением школы научного менеджмента, деятельностью и литературным наследием Ф. Тейлора, А. Файоля и их последователей.

Известный американский инженер-исследователь Ф. Тейлор стал первым, кто считал необходимым доказать, что лучший менеджмент — это наука, основанная на определенных законах, правилах и принципах *. Следовательно, если их использовать правильно, они дадут поразительные результаты. Вместе с Г. Гантом и

* Этому был посвящен его главный труд “Принципы научного менеджмента” [7].

супругами Фрэнком и Лилиан Гильбертами он путем детального анализа движений людей, работавших физически, выводил принципы и законы, согласно которым можно было научить отдельно взятого рабочего оптимально выполнять конкретные задачи. Благодаря этому действительно достигались и высокая производительность труда работника, и высокая эффективность деятельности организации в целом. Однако взгляда на управление как на целостную науку, то есть такую, которая кроме анализа отдельных фрагментов деятельности дает представление о синтетическом, общем понимании теории менеджмента, им не хватало.

Разработка единой теории стала задачей другой группы авторов классической школы менеджмента во главе с французом А. Файо́лем. Именно он и его последователи Л. Урвик, Дж. Муни, А. Рейли и другие смогли синтезировать позиции своих современников и предшественников и развили управленческо-организационный, или функциональный, взгляд на менеджмент. В контексте нашего исследования его можно считать первым определяющим организационным вектором развития управления бизнесом, который получил название “административный менеджмент”.

Суть административного менеджмента не противоречила научному менеджменту. Это подчеркивал сам Файоль. Однако его концепция менеджмента была противоположна концепции Тейлора, которая отрицала принцип единства команд. Файоль исходил из единоначалия и конкретной ответственности одного работника перед другим. Только такой подход, по его мнению, давал возможность представить организацию как единое целое, четко определить уровни власти, обеспечить каналы коммуникаций, предотвратить дублирование функций, избежать ситуаций с двойными командами, жестко фиксировать обязанности и ответственность.

Действительно, как видим, тогда как Тейлор рассматривал цеховое (низовое) управление, Файоль ориентировался на высший административный уровень менеджмента. Построению управления в виде общего универсального процесса были подчинены принципы и элементы административной теории, получившие отражение в работе “Общее и промышленное управление” (1916) [8]. Ее принципы – это основные правила, которые определяют построение и функционирование системы управления, а элементы – это, по сути, шаги, которые любой менеджер, в соответствии с конкретной ситуацией и реальными условиями, должен совершать, чтобы достичь цели. Последними были планирование, организация, распоряжение и контроль.

Четкого, однозначного изложения принципов и элементов административный менеджмент не имел. Поэтому каждый последователь разрабатывал его структуру исходя из собственного опыта и наблюдений. Объединяло их то, что акцент в любом случае делался на администрировании. И хотя сегодня слова “менеджмент” и “администрирование” рассматриваются скорее как синонимы, последнему как определяющему организационному вектору придавалось и придается совсем иное толкование и даются совсем иные определения. Одним из таких определений стал термин “бюрократия”, концептуализацию (модель) которой связывают с именем немецкого ученого М. Вебера и его трудами, которые вошли в посмертно изданную книгу “Теория социальной и экономической организации” (1947) [9].

Германия конца XIX – начала XX в. вступила в ту стадию “предпринимательского развития”, когда на место крупных предприятий, управление которыми

осуществлялось единолично, пришли крупные капиталистические организации. Ориентируясь на рынок, они в то же время вынуждены были подчиняться указаниям правительства. Все это требовало постоянного, строгого и взвешенного менеджмента. Бюрократия в таких условиях становилась центральным элементом любой крупной организации, а тенденция господства организации над человеком была, по мнению Вебера, повсеместной — в политике, промышленности, торговле и т. д. Проблема состояла только в том, чтобы обеспечить системное функционирование организации.

В работах М. Вебера в историческом контексте изображен крах обычного, традиционного общества. Знания, навыки, компетентность в экономике стали условием развития капиталистического общества. Направленная против фаворитизма в управлении, бюрократия была воплощением этих условий. Акцентируя внимание скорее на правилах и нормах, а не на людях, бюрократия должна была обеспечить эффективность, дальнейший прогресс общества, так же как и прибыльность бизнеса.

Со временем, по крайней мере с 1930-х годов, развитие науки управления все же изменило направление исследования на изучение не механических проблем и правил поведения человека, а его (человека) социальной сущности, в частности, таких вопросов, как мотивация, коммуникация, лидерство. Наряду с ними уже далеко не утопично, не наивно, а по-новому встали вопросы развития менеджмента в контексте гуманизации, демократизации и в конечном счете социализации общественной жизни, получившие реальное развитие.

Это предопределило и следующие организационные векторы развития бизнеса. Школа человеческих отношений, которую основал Э. Мейо, стала основополагающим учением (со временем получившим название “бихевиоризм”) о поведении человека и его самореализации, которые обеспечивали либо гуманистическая психология (А. Маслоу, Д. Маклелланд, Ф. Херцберг), либо, как это стало происходить с 1960-х годов, демократическое развитие (К. Арджирис, Д. Макгрегор, В. Оучи).

Возьмем на себя смелость провести в этой связи определенную параллель между вышесказанным и теоретическими экономическими взглядами на саморазрушение капитализма. Такие мнения получили развитие в исследованиях западных экономистов-теоретиков в середине XX в. В частности, они четко были изложены в работе известного австрийского ученого Й. Шумпетера “Капитализм, социализм и демократия” (1942) [10]. Соглашаясь с взглядами К. Маркса об исторической неизбежности перехода от капитализма к социализму, он не связывал этот переход с экономическим коллапсом капиталистической системы, а, в противовес Марксу и его последователям, считал, что капитализм саморазрушится вследствие собственных экономических успехов. К разрушению капитализма как общественного строя приведет негативное отношение к этим успехам социального и политического климата *. Несложно сделать вывод, что **социализация этого**

* Мы сознательно не касаемся связанных с этой проблемой современных теоретических представлений об альтернативном капиталистической системе “рыночном социализме”. Следует лишь акцентировать внимание на том, что как в странах с развитой рыночной экономикой, так и в постсоциалистических, а также в реально существующих переходных к социалистическому рынку экономиках (Китай, Вьетнам) утопические социальные представления мыслителей XVIII–XIX вв., так же как и уроки “большого социалистического эксперимента” в СССР и странах Центральной и Восточной Европы, нужно как можно теснее сближать с современной экономической теорией и практикой реальной жизни. На это обращал внимание и украинский экономист, профессор П. Леоненко [11].

климата должна трансформировать капитализм, придать ему такие недостающие черты, как равенство и справедливость, и вместе с тем открыть новые возможности для инвестирования и предпринимательства. Понятно, что ни менеджмент, ни бизнес не остаются в стороне от этого процесса.

С 1970-х годов социализация стран с рыночной экономикой нашла свое отражение в менеджменте путем развития идеи социальной ответственности бизнеса. Именно она, на наш взгляд, стала сегодня определяющим организационным вектором его развития.

Социально ответственный бизнес

Социализацию общества на современном этапе его развития можно идентифицировать как достижение баланса интересов корпоративного (бизнесового) сектора и общественных интересов. Разумеется, достичь этого без регулирующей роли государства невозможно. Именно в этом следует усматривать взаимосвязь и взаимозависимость общественных институтов стран с рыночной экономикой. Развитые страны, которые сегодня больше других охвачены процессами глобализации и в которых баланс интересов достиг самых высоких показателей, **демонстрируют таким образом эволюционное развитие капиталистической системы, ее уже имеющуюся качественную, радикальную трансформацию** *. Главной движущей составляющей такого развития с конца XX в. стала практика Корпоративной Социальной Ответственности (КСО), которая не только способствовала теоретическому обоснованию соответствующей концепции, но и стала важным фактором формирования политики крупнейших компаний США, Великобритании и других ведущих стран.

Консервативные взгляды даже таких признанных в экономической науке авторитетов, как, скажем, Нобелевский лауреат М. Фридман, относительно того, что единственной социальной обязанностью бизнеса является приумножение прибыли, не получили поддержки ни у общественности, ни в научном сообществе, ни даже в бизнес-среде. Вероятно, уместной была только интерпретация его мыслей по поводу того, что те, кто принимают на себя КСО, “исповедуют социализм в чистом виде”, и что “такие идеи подрывают основу концепции свободного рынка” [13].

Постепенно ведущие компании развитых стран начали приходить к пониманию необходимости объединить разрозненные элементы корпоративной политики, связанные с взаимоотношениями с окружающей средой, и выработать целостные подходы к взаимодействию с обществом. Государственные и социальные институты также вынуждали крупные компании обращать больше внимания на политику взаимоотношений с обществом. В частности, можно назвать усиление давления со стороны правительств, которые с конца XX в. в странах Западной Европы установили более жесткие стандарты в сфере трудового законодательства и охраны окружающей среды, а также давление профсоюзов, прежде всего, в области охраны труда и социальной политики.

Одновременно произошло и аналитическое обобщение существующих подходов к внедрению в практику разных стран социально значимых идей. Результатом этого стало выделение четырех моделей КСО: американской, европейской, скандинавской и японской. Незначительное, связанное в основном с историко-

* Свое отражение это получило даже в названиях трудов отдельных западных исследователей – скажем, в изданной в 2008 г. работе американского экономиста и политика Р. Рейха “Суперкапитализм: трансформация бизнеса, демократии и повседневной жизни” [12].

культурными особенностями развития стран, отличие этих моделей во много уступает их сущностному единству и идентичности. Во всех этих моделях КСО рассматривается как важная составляющая обеспечения стабильного и инновационного развития не только бизнеса, но и общества в целом.

Не удивительно, что крупные компании, в первую очередь ТНК, стали проводниками концепции КСО. Ее коллективное исследование вышло на уровень таких международных организаций, как ООН *, Всемирный экономический форум, Всемирный бизнес-совет по устойчивому развитию, ОЭСР и т. д.

Как на правительственном, так и на неправительственном уровне идея КСО приобрела весомое практическое значение и в Европе. Так, в 2002 г. группой международных корпораций и неправительственных организаций была создана Европейская академия бизнеса в обществе (European Academy of Business in Society – EABIS); в 2004 г. сформирована Глобальная инициатива ответственного лидерства (Global Responsible Leadership Initiative – GRLI), объединившая бизнес-школы и корпорации стран под эгидой Европейского фонда развития менеджмента (European Foundation for Management Development – EFMD). В 2007 г. Европейский парламент отметил, что общеевропейская дискуссия на тему КСО достигла той точки, когда акцент с самого процесса должен быть смещен на результат.

В этой связи стоит обратить внимание на разработку международных стандартов по КСО. Ведь именно они содержат конкретные рекомендации и определяют перечень мер социальной ответственности бизнеса, благодаря чему и становится возможной их практическая реализация. И хотя эти стандарты являются добровольными, а не обязательными, они обеспечивают создание и внедрение соответствующих систем менеджмента. Так, на сегодня Международная организация по стандартизации (ISO) разработала стандарты ISO 9000, ставшие основой для систем управления качеством в разных отраслях экономики. Такие же стандарты разработаны для систем финансового менеджмента, менеджмента окружающей среды, экологического менеджмента (ISO 14000), менеджмента безопасности пищевой продукции (ISO 22000) и т. д.

Нельзя не вспомнить и такой важный международный стандарт, как ISO SR 26000:2011. Он является комплексным, учитывает интересы основных групп заинтересованных сторон и определенным образом обобщает требования к социальной деятельности компании, отраженные в других стандартах. Однако он также носит только рекомендательный характер. Понятно, что распространение таким образом принципов социальной ответственности в мире происходит с определенными дополнениями и уточнениями к стандартам, учитывающими национальные особенности той или иной страны.

Однако главное, на наш взгляд, другое. Кроме правительств и общественных организаций все большую заинтересованность в КСО проявляет бизнес-среда, в которой господствующей постепенно становится мысль о том, что КСО – это не

* По инициативе Генерального секретаря ООН 31 января 1999 г. было положено начало международной инициативе, которая должна была объединить компании, агентства ООН, а также трудовые коллективы и общественные организации с целью поддержки мировых экологических и социальных принципов (Глобальный договор ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unglobalcompact.org>). Разработанные для этого в 2000 г. 10 базовых принципов в сфере защиты прав человека, охраны труда, защиты окружающей среды и мер по борьбе с коррупцией и сегодня не утратили своей актуальности. Они продолжают обсуждаться и успешно применяться во всем мире.

просто филантропия или внешний PR, а часть политики компании. Сегодня установилась четкая тенденция к росту числа стран, компаний и организаций, прибегающих к практике внедрения сертификации согласно тем или иным стандартам. Если число стран, в которых проводится сертификация по определенным видам стандартов, достигает почти 200, то количество компаний и организаций измеряется сотнями тысяч и миллионами. По данным ISO Survey of Certifications, в 2010 г. было выдано 1109905 сертификатов только по стандартам ISO 9001*.

Инвестируя ресурсы в развитие образования, медицины, науки, поддерживая социально незащищенные слои населения и воплощая природоохранные проекты, бизнес-организации и сами получают значительные выгоды от этой деятельности. Так, в 2011 г., согласно отчетам крупных компаний мира, большинство из них заявили о наличии преимуществ от внедрения КСО в систему управления**.

Свидетельством этого является и то, что основным направлением развития КСО в XXI в. стало усиление ее связи с теорией и практикой стратегического управления. В отличие от традиционной социальной ответственности, стратегическая корпоративная социальная ответственность исходит из того, что удовлетворение социальных потребностей должно быть непосредственно связано с основной деятельностью компании, выполнением ею своей “миссии”. Иными словами, вопрос, стоит ли бизнес-организации осуществлять КСО, по сути, уступил место вопросу, как это сделать. В частности, как достичь двухсторонней выгоды, когда компании привлекаются к решению социальных проблем, влияющих на их прибыльность и конкурентоспособность. Известные ученые Гарвардского университета М. Портер и Р. Крамер по этому поводу считают, например, что внедрение социальных программ служит для компании источником возможностей, инноваций и конкурентных преимуществ. В то же время задача современных лидеров – не просто думать о систематической социальной ответственности, но и разрабатывать соответствующие новые бизнес-модели [14].

Такую позицию сегодня разделяют многие зарубежные и отечественные исследователи, в частности, И. Ансофф, Э. Фримен, С. Харт, Л. Бурк, Дж. Логздон, Г.Л. Тульчинский, Ю.Э. Благов, В.Н. Шаповал, В.В. Воробей, С.Я. Король и другие. В их работах осуществлено теоретическое переосмысление не только роли бизнес-организации в обществе, но и планирования ее деятельности на основе анализа интересов заинтересованных сторон (стейкхолдеров), использования имеющихся природноресурсных возможностей, путей получения организациями конкурентных преимуществ, осуществлены сравнительная характеристика традиционной и стратегической КСО и ее измерения (по таким показателям, как приоритетность, специфичность, практичность, добровольность, наглядность), приведена классификация КСО и т. д.

Все это делается под углом зрения интеграции КСО в систему стратегического управления бизнес-компанией, которое **сегодня в странах с рыночной экономикой превратилось в определяющий организационный вектор развития бизнеса**. И хотя Украина находится на начальной стадии формирования КСО, пока еще с низким

* ISO Survey of Certifications 2010 / International Organization for Standardization [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iso.org/iso/iso-survey2010.pdf>.

** KMPG International Survey of Corporate Social Responsibility Reporting, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpmg.com/PT/pt/IssuesAndInsights/Documents/corporate-responsibility2011.pdf>.

уровнем активности в данной сфере и ограниченностью коммуникативных действий, она не является исключением.

Так, большинство руководителей украинских бизнес-организаций разделяют идею КСО. Правда, действительно социально ответственных корпораций в Украине, таких, скажем, как группа СКМ, Ernst and Young Украина, Nemiroff и т. д., пока еще мало *. Однако именно перед этими организациями благодаря интеграции системы КСО в стратегию их менеджмента открываются значительно большие возможности для успешного развития. Ведь они получают такие преимущества, как улучшение деловой репутации, налаживание и построение конструктивных отношений с заинтересованными сторонами, внедрение инноваций, повышение лояльности персонала, улучшение эффективности управления нефинансовыми рисками, повышение финансово-экономических показателей, увеличение объема продаж, оптимизация операционных процессов и обеспечение экономии.

Выводы

Следует отметить, что в своей взаимосвязи развитие институтов современного рыночного общества демонстрирует неизменность решающей роли экономики. Бизнес как олицетворение экономических институтов влияет на политическую и общественную жизнь, но при этом он и сам находится под ее влиянием. Управление, организация бизнеса постоянно развиваются, впитывая в себя как жизненную практику, так и достижения экономической теории. Организационный вектор развития бизнеса всегда зависел и будет зависеть от последней. Как показал анализ, социальная ответственность, ставшая определяющим вектором развития современного бизнеса, не только отображает состояние и потребности общественных институтов, влияет на них, но и, главное, ускоряет их последующую социализацию.

Таким образом, капиталистическая рыночная экономика приобретает новые черты, которые существенно меняют, трансформируют общество в целом. Следовательно, сегодня очень нужен дополнительный анализ экономических институтов, чтобы определить проблемы и степень этих изменений для развитых капиталистических стран и стран, уже ставших на путь развития рыночной экономики.

Список использованной литературы

1. *Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф.* Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф. Бастиа. — М. : Дело, 2000. — С. 25.
2. *Милль Дж. С.* Основы политической экономии ; [пер. с англ. ; общ. ред. А.Т. Милейского]. — Т. 1. — М. : Прогресс, 1980. — С. 76.
3. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. — М. : Прогресс, 1968. — С. 23–55.
4. *Hobson J. A.* Work and Wealth. — London, 1914. — P. 293.
5. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества ; [пер. с англ.]. — М. : Прогресс, 1979. — С. 114.
6. *Кредисов А.* Менеджмент в контексте развития экономической теории // Экономика Украины. — 2008. — № 1. — С. 4–11.
7. *Taylor F. W.* The Principles of Scientific Management. — New York : Harper & Row, 1914.

* Свидетельством этого является незначительная по сравнению с международной практикой доля украинских предприятий, которые на добровольных началах составляют отчеты о социальной ответственности (CSR Reports [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.csinfo.org.ua/uk.html>; Звіти / Спільнота СВБ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.svb.org.ua/reports>); [15].

8. Fayol H. General and Industrial Management ; [C. Storrs, trans.]. – London : Sir Isaac Pitman & Sons, 1949.
9. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization ; [A. M. Henderson and T. Parsons, trans.]. – New York : Free Press, 1947.
10. Шумпетер Й.А. Капіталізм, соціалізм і демократія ; [пер. з англ.]. – К. : Основа, 1995. – 528 с.
11. Леоненко П.М. Методологічні аспекти історії української економічної думки (XIX – XX ст.) ; моногр. – К. : ІАЕ УААН, 2004. – 434 с.
12. Reich R. Supercapitalism: The Transformation of Business, Democracy, and Every Day Life. – New York : Vintage Books, 2008. – 272 p.
13. Dierkes M., Antal A.B. Whither Corporate Social Reporting: Is It Time to Legislate? // California Management Review. – 1986. – Vol. 28. – P. 106.
14. Porter E.M., Kramer M.R. Strategy and Society. The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review. – 2006. – Vol. 84(12). – P. 78–92.
15. Воробей В., Журовська І. Нефінансова звітність: інструмент соціально відповідального бізнесу. – К. : ФОП Костюченко О.М., 2010. – С. 31.

References

1. Sei J.-B., Bastia F. *Traktat po Politicheskoi Ekonomii* [Treatise on Political Economy]; Bastia F. *Ekonomicheskie Sofizmy. Ekonomicheskie Garmonii* [Economic Sophisms. Economic Harmonies]. Moscow, Delo, 2000, p. 25 [in Russian].
2. Mill J.S. *Osnovy Politicheskoi Ekonomii* [Principles of Political Economy], Vol. 1. Moscow, Progress, 1980, p. 76 [in Russian].
3. Seligman B. *Osnovnye Tscheniya Sovremennoi Ekonomicheskoi Mysli* [Main Currents in Modern Economics: Economic Thought since 1870]. Moscow, Progress, 1968, pp. 23–55 [in Russian].
4. Hobson J.A. Work and Wealth. London, 1914, p. 293.
5. Galbraith J.K. *Ekonomicheskie Teorii i Tseli Obshchestva* [Economics and Public Purpose]. Moscow, Progress, 1979, p. 114 [in Russian].
6. Kredisov A. *Menedzhment v kontekste razvitiya ekonomicheskoi teorii* [Management in the context of development of the economic theory]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2008, No. 1, pp. 4–11 [in Russian].
7. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. New York, Harper and Row, 1914.
8. Fayol H. General and Industrial Management. London, Pitman, 1949.
9. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York, Free Press, 1947.
10. Shumpeter J.A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Kyiv, Osнова, 1995 [in Ukrainian].
11. Leonenko P.M. *Metodologichni Aspekty Istorii Ukrains'koi Ekonomichnoi Dumky (XIX – XX st.)* [Methodological Aspects of the History of the Ukrainian Economic Thought (XIX – XX centuries)]. Kyiv, IAE of the UAAS, 2004 [in Ukrainian].
12. Reich R. Supercapitalism: The Transformation of Business, Democracy, and Everyday Life. New York, Random House, 2008.
13. Dierkes M., Antal A.B. Whither Corporate Social Reporting: Is It Time to Legislate? California Management Review, 1986, Vol. 28, p. 106.
14. Porter E.M., Kramer M.R. Strategy and Society. The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. Harvard Business Review, 2006, Vol. 84(12), pp. 78–92.
15. Vorobei V., Zhurovs'ka I. *Nefinansova Zvitnist': Instrument Sotsial'no Vidpovidal'nogo Biznesu* [Nonfinancial Accounting: Tool of Socially Responsible Business]. Kyiv, Kostyuchenko Publ. House, 2010 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 22 июля 2013 г.